

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. Лукьянова

**СЕМЕЙНЫЕ ПАТТЕРНЫ (НЕ)ЗАНЯТОСТИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ
ДЕМОГРАФИИ И РЫНКА ТРУДА**

Препринт WP3/2018/08

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2018

УДК 331.526
ББК 65.240
Л84

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

- Л84 **Лукьянова, Анна Львовна.** Семейные паттерны (не)занятости: взаимодействие факторов демографии и рынка труда [Электронный ресурс] : препринт WP3/2018/08 / А. Л. Лукьянова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 44 с.

В работе, с использованием данных РМЭЗ ВШЭ за 1994–2016 гг., анализируется (1) динамика показателей незанятости на индивидуальном и семейном уровнях и (2) степень неравномерности в распределении занятости между домохозяйствами. Наши результаты показывают, что российский рынок труда характеризуется низким, но увеличивающимся уровнем семейной незанятости. Около 6% населения трудоспособного возраста проживает в домохозяйствах, где нет других занятых трудоспособного возраста.

Низким остается и общий уровень неравенства в распределении занятости между домохозяйствами. Другими словами, в России не наблюдается значительной концентрации занятых индивидов в одних домохозяйствах, где все взрослые заняты, и незанятых в других домохозяйствах, где все взрослые незаняты. Фактическая занятость распределена между домохозяйствами столь же равномерно, как если бы распределение происходило случайным образом. Этот эффект достигается прежде всего за счет очень высокого уровня вовлеченности в занятость домохозяйств, включающих двух человек трудоспособного возраста. На фоне в целом благополучной ситуации мы выделяем несколько типов домохозяйств, которые сталкиваются с «избыточной» незанятостью, то есть они оказываются в числе незанятых чаще, чем можно ожидать исходя из социально-демографических характеристик их членов. Это домохозяйства, в которых нет лиц с высшим образованием; семейные пары без детей, в которых один из супругов старше трудоспособного возраста; семьи, состоящие из родителей, проживающих вместе со взрослыми детьми, и одинокие люди трудоспособного возраста без детей.

В исследовании выявлен ряд факторов, которые в 1994–2016 гг. действовали в направлении усиления роста уровня семейной незанятости. Основным драйвером такого роста были демографические изменения, выразившиеся в сокращении размеров домохозяйств, прежде всего, в росте числа семей с одним взрослым трудоспособного возраста. Факторы рынка труда – изменение общего уровня занятости между 1994 и 2016 гг. – также способствовали росту уровня семейной незанятости, особенно если речь идет об отсутствии постоянной работы. В то же время снижение уровня неравенства в распределении занятых между домохозяйствами отчасти нивелировало эти негативные тренды.

УДК 331.526
ББК 65.240

Ключевые слова: неравенство; поляризация; незанятость; распределение занятости; семейное предложение труда; декомпозиция

JEL-коды: J19, J21, J60

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Лукьянова А. Л., 2018
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2018

1. Введение¹

Исследования рынка труда, как правило, базируются на использовании индивидуальных данных. Все ключевые показатели – такие как уровни занятости и безработицы – получаются агрегированием данных опросов отдельных респондентов без учета их родственных связей. Однако в реальной жизни решения о предложении труда принимаются на уровне домохозяйства и учитывают размеры семьи, ее состав, обязанности по воспитанию детей и уходу за пожилыми родственниками, занятость других членов домохозяйства и прочие семейные обстоятельства². Поэтому занятость, участие в рабочей силе и другие показатели следует рассматривать не только на индивидуальном, но и на семейном уровне, что открывает дополнительные возможности для изучения рынка труда и социальной сферы.

Показатели рынка труда, рассчитанные на индивидуальном и семейном уровнях, сильно различаются между собой по величине и могут двигаться по разным траекториям. На рис. 1 показана динамика индивидуального и семейного уровней незанятости для стран ЕС. Даже при беглом взгляде на график бросаются в глаза значительные расхождения в показателях: доля не имеющих работы индивидов составляет 33–36%, а в домохозяйствах, не имеющих занятых, проживают около 10% взрослого населения. Другими словами, около трети незанятых проживают в домохозяйствах, где нет других занятых, в то время как две трети из них имеют в своих семьях хотя бы одного занятого.

Первыми внимание на подобные расхождения обратили Грегг и Уодсворт, изучавшие британский рынок труда [Gregg, Wadsworth, 1996; 1998]. Эти публикации дали толчок целой волне исследований, в основном по развитым странам [Lehmann, Wadsworth, 1997; Callister, Singley, 2004; Gregg et al., 2010]. Проведенные исследования показали, что в большинстве развитых стран в последние десятилетия имела место своеобразная поляризация занятости³: одновременно увеличивалась доля домохозяйств, в которых нет

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Р.И. Капелюшникову, В.Е. Гимпельсону и участникам семинара ЦеТИ – ЛИРТ за комментарии и полезные советы.

² В данной работе мы не делаем различий между «семьей» и «домохозяйством» и используем эти термины как синонимы.

³ Используемую в данной работе концепцию поляризации занятости между домохозяйствами следует отличать от концепции поляризации рабочих мест, предложенной в работе [Autor et al., 2003]. Последняя концепция касается изменений в структуре занятости под воздействием технологического прогресса, приводящего к

занятых, и доля домохозяйств, в которых заняты все члены трудоспособного возраста. Согласно исследованиям по западным странам, такая тенденция отражает взаимодействие различных факторов – демографии, рынка труда и особенностей социальной политики. Со стороны демографии ключевую роль играет снижение средних размеров домохозяйств, прежде всего рост числа домохозяйств с одним взрослым. В более мелких домохозяйствах выше риск того, что потеря работы одним его членом приведет к «выбытию» из занятости всего домохозяйства. Наоборот, увеличение числа взрослых в домохозяйстве повышает шансы на то, что все домохозяйство будет сохранять связи с рынком труда. Со стороны рынка труда отсутствие в домохозяйстве занятых может усиливать проблемы каждого его члена с поиском работы. У неработающих членов домохозяйства может не хватать необходимых ресурсов (социальных связей и/или средств) для инвестиций в дополнительное образование. Наличие в домохозяйстве работающих, напротив, расширяет доступ к неформальным каналам поиска работы и увеличивает общий бюджет домохозяйства. Вместе с тем возможен и обратный эффект, когда отсутствие других занятых служит мощным стимулом для поиска работы для каждого из членов домохозяйства и понижает его/ее требования к подходящей работе, сокращая тем самым время поиска работы. Непродуманный дизайн социальной политики может усугублять проблему незанятости, если получение семейных пособий дестимулирует поиск работы из-за страха потерять денежную поддержку. В последние годы новые программы активации безработных, разрабатываемые в западных странах, стараются учитывать это обстоятельство и предполагают постепенное сокращение пособий по мере увеличения трудового дохода.

С середины 2000-х годов Евростат и ОЭСР начали регулярно публиковать официальные оценки отдельных показателей рынка труда и положения семей, рассчитанных на уровне домохозяйств, например, долю домохозяйств, не имеющих занятых; доли взрослых и детей, проживающих в таких домохозяйствах. Они используются как для характеристики состояния рынка труда, так и для мониторинга негативных социальных процессов. Именно домохозяйства, не имеющие занятых, в большинстве стран являются одной из основных групп риска с точки зрения бедности, особенно застойной бедности [OECD, 2001]. Повышенное беспокойство вызывает положение детей, растущих в семьях, где нет занятых. По данным ОЭСР, в 2014 г. от 4% (Люксембург) до 16% (Израиль) детей в возрасте 0–14 лет с двумя родителями проживали в

«вымыванию» рабочих мест с рутинными задачами, обладатели которых традиционно находились в середине распределения заработных плат. Исследование этого аспекта поляризации на российских данных см. в [Гимпельсон, Капелюшников, 2015].

домохозяйствах, где ни один из взрослых не имел работы. Среди семей с одним родителем эта доля доходила до 58% (в Ирландии)⁴. Воспитание в семье с неработающими родителями может иметь долгосрочные негативные последствия для детей с точки зрения образования, последующей занятости и возможностей для межпоколенческой мобильности.

Изучение неравенства в распределении занятости на уровне домохозяйств играет важную роль в формировании приоритетов в сфере поддержки безработных и социальной защиты семей. Рост безработицы имеет разные последствия в экономике с высокой и низкой вовлеченностью домохозяйств в занятость. Потеря работы единственным занятым членом семьи с высокой вероятностью приводит к бедности всего домохозяйства, и поддержка государства в такой ситуации будет иметь решающее значение. Наличие в домашнем хозяйстве других занятых служит «подушкой безопасности», которая смягчает последствия потери работы одним из занятых членов, делая помощь от государства менее критичной. Анализ распределения занятости между разными типами домохозяйств позволяет выделять группы риска попадания в бедность при наступлении кризисных явлений в экономике, понять социально-демографические характеристики семей из этой группы и разработать меры их адресной поддержки. Эти меры могут стать экономической альтернативой массовому повышению пособий по безработице, которое требует значительных бюджетных средств.

В данной работе мы анализируем (1) эволюцию семейных показателей занятости и (2) динамику неравенства в распределении занятости между российскими домохозяйствами, прослеживая изменения за последние два десятилетия – с 1994 по 2016 г. Основным источником данных является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ ВШЭ)⁵. Неравенство в распределении занятости между домохозяйствами измеряется через сравнение фактических семейных показателей незанятости с теми значениями, которые наблюдались бы в том случае, если бы занятые индивиды распределялись между домохозяйствами случайным образом. Особое внимание в работе уделяется факторам, которые

⁴ См. OECD Family Database.

⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования РМЭЗ ВШЭ: <http://www.hse.ru/flms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms>. Во всех расчетах использовались индивидуальные и семейные веса, разработанные командой РМЭЗ ВШЭ.

определяли динамику показателей незанятости на семейном уровне. Мы проводим декомпозицию изменений уровня семейной незанятости во времени, выделяя вклад демографических сдвигов, изменений в ситуации на рынке труда и изменений в распределении занятых между домохозяйствами.

Полученные результаты показывают, что российский рынок труда характеризуется низким, но увеличивающимся уровнем семейной незанятости. Основным драйвером такого роста были демографические изменения, выразившиеся в сокращении размеров домохозяйств, прежде всего в росте числа семей с одним взрослым трудоспособного возраста. Факторы рынка труда – наблюдавшееся в данных РМЭЗ ВШЭ сокращение общего уровня занятости между 1994 и 2016 гг. – также способствовали росту уровня семейной незанятости, особенно если речь идет об отсутствии постоянной работы. В то же время снижение уровня неравенства в распределении занятости между домохозяйствами, то есть выравнивание шансов на получение работы для индивидов из разных домохозяйств независимо от размера и наличия других занятых, отчасти нивелировало эти негативные тренды.

Работа структурирована следующим образом. В следующем разделе описываются используемые данные и представлена динамика показателей незанятости для всей выборки. В разделе 3 дается сравнение уровней индивидуальной и семейной незанятости в России и странах ОЭСР. В разделе 4 излагается методология расчета показателей неравенства в распределении занятости между домохозяйствами. В разделе 5 приводятся расчеты этих показателей для России. В разделе 6 представлена декомпозиция изменений в уровне семейной незанятости за 1994–2016 гг. с выделением вклада демографических факторов, факторов рынка труда и неравенства между домохозяйствами в доступе к занятости. В разделе 7 рассматриваются показатели семейной незанятости, учитывающие различия в социально-демографическом составе домохозяйств. В заключительном разделе представлены основные результаты исследования.

2. Как изменялись показатели занятости/незанятости на индивидуальном и семейном уровнях?

В работе используются данные РМЭЗ ВШЭ за 1994–2014 гг., за исключением 1997 и 1999 гг., когда обследование не проводилось. Чтобы минимизировать влияние искажений, связанных с решением о выходе на пенсию, основная выборка исследования ограничена домохозяйствами, в которых хотя бы один человек находится в трудоспособном возрасте (женщины

16–54 лет, мужчины 16–59 лет)⁶. При таком подходе из выборки исключаются домохозяйства, целиком состоящие из пенсионеров, но остаются домохозяйства, в состав которых входят одновременно лица трудоспособного и нетрудоспособного возраста. Мы учитываем лиц нетрудоспособного возраста при расчете показателей размера и состава домохозяйства. Однако при расчете показателей, относящихся к занятости, лица нетрудоспособного возраста учитываются лишь в тех случаях, если это специально оговаривается по тексту.

Используемое в работе понятие занятости трактуется максимально широко. На индивидуальном уровне к занятым относятся как те, кто имеет «постоянную» работу независимо от типа контракта, статуса в занятости, продолжительности рабочего времени, размера заработной платы и проч. (в том числе временно отсутствующих на работе по причине декретного или любого другого оплачиваемого или неоплачиваемого отпуска)⁷, так и те, кто в течение последнего месяца имел только регулярные и разовые приработки⁸. Такое определение занятости максимально приближено к определению МОТ. Однако для проверки устойчивости результатов во многих случаях мы показываем результаты, рассчитанные и для более жесткого критерия занятости – наличия постоянной работы.

На семейном уровне показатель занятости рассчитывался как доля домохозяйств, в которых есть хотя бы один занятый трудоспособного возраста.

⁶ Около 8% индивидов проживают в домохозяйствах, в которых хотя бы один из взрослых членов (в возрасте 16 лет и старше) не отвечал на вопросы индивидуальной анкеты либо не предоставил информацию о наличии у него работы. Удаление таких домохозяйств привело бы к заметному искажению репрезентативности выборки. Поэтому мы вменили лицам с пропусками по переменной занятости значения, рассчитанные на основе логит-модели по данным, которые имеются в вопросниках домохозяйств (пол, возраст и семейное положение респондента, тип поселения, регион проживания, год проведения опроса, размер домохозяйства, количество взрослых и детей в домохозяйстве и пересечения между отдельными переменными).

⁷ К имеющим постоянную работу были отнесены те, кто, отвечая на вопрос об основном занятии в настоящее время, выбрал один из следующих ответов: (1) сейчас работаю; (2) нахожусь в отпуске – декретном или по уходу за ребёнком до 3-х лет; (3) нахожусь в любом другом оплачиваемом отпуске; (4) нахожусь в неоплачиваемом отпуске.

⁸ К ним отнесены те, кто положительно ответил на следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, в течение последних 30 дней Вы занимались (ещё) какой-нибудь работой, за которую Вам заплатили или должны заплатить? Может быть, Вы сшили кому-то платье, подвезли кого-нибудь на машине, занимались репетиторством, помогли кому-то с ремонтом квартиры, машины, купили и доставили продукты, ухаживали за больными, продавали свои или купленные продукты, или товары на рынке или на улице, челночили или делали что-то другое?»

На рис. 2 показано, как изменялся уровень занятости, измеренный на индивидуальных данных в соответствии с разными определениями занятости. Индивидуальный уровень занятости рассчитывался как доля индивидов трудоспособного возраста, имеющих какую-либо работу. По такому определению в течение периода к занятым можно отнести 70–77% населения в трудоспособном возрасте. Использование более жесткого критерия наличия постоянной работы дает более низкие оценки уровня занятости: исключение нерегулярных приработков ведет к снижению уровня занятости примерно на 5 п.п. Разница несколько выше (6–7 п.п.) для первой половины 2000-х годов. Вместе с тем траектории изменения обоих показателей очень схожи между собой. При этом за период с 1994 по 2016 г. общий уровень занятости населения в трудоспособном возрасте сократился на 2 п.п., а уровень постоянной занятости – на 3,8 п.п. Таким образом, нерегулярные заработки продолжают выполнять роль социального амортизатора, частично компенсируя потери от утраты постоянной работы. Оба ряда указывают на «провал» занятости в кризисном 1998 г. После этого начинается довольно уверенный рост обоих показателей. Небольшое снижение уровня занятости было зафиксировано лишь в кризисном 2009 г., однако к 2013 г. уровень занятости восстанавливается до показателей середины 1990-х годов. Последние годы рассматриваемого периода также были отмечены падением уровня занятости: оно возобновляется с ухудшением макроэкономической ситуации в 2014 г. Таким образом, на протяжении периода наблюдения можно четко выделить различные фазы экономического цикла с разным уровнем напряженности на рынке труда.

Мы сравнили оценки уровня занятости, полученные по РМЭЗ ВШЭ, с официальными оценками Росстата для населения в трудоспособном возрасте (рис. 2). Расчеты по РМЭЗ ВШЭ с учетом всех видов занятости дают оценки, достаточно близкие к оценкам Росстата: в среднем за весь период с 1994–2016 г. различия составляют 1,6 п.п.⁹ Для большей части периода РМЭЗ ВШЭ дает более высокие оценки уровня занятости, лишь в последние годы оценки Росстата превышают оценки, полученные по РМЭЗ ВШЭ. Еще одно исключение составляет 2005 г.: в данных РМЭЗ ВШЭ наблюдается непонятное падение уровня занятости в 2005 г., которого нет в данных Росстата, и которое сложно объяснить на фоне благоприятной экономической ситуации в указанный период. Поэтому к расчетам для 2005 г. следует относиться с осторожностью – мы склонны считать этот спад статистическим артефактом. Расхождение трендов в последние годы представляется загадкой. Снижение уровня занятости,

⁹ Для сравнения с показателем постоянной занятости расхождения составляют в среднем 4 п.п.

наблюдаемое в данных РМЭЗ ВШЭ за 2014–2016 гг., вполне согласуется с торможением роста и падением ВВП в этот период, в то время как в данных Росстата уровень занятости продолжил уверенно расти, несмотря на начало рецессии.

Расхождения в динамике уровня занятости в РМЭЗ ВШЭ и Росстата невелики, но ведут к разным выводам относительно изменения показателя за 1994–2016 гг. Согласно данным РМЭЗ ВШЭ, мы имеем снижение уровня занятости на 2 п.п., а согласно данным Росстата – рост на 2,5 п.п. Частично эти расхождения можно отнести на проведенное в 1999 г. Росстатом масштабное обновление методологии проведения обследования населения по проблемам занятости, в результате которой стала значительно точнее учитываться неформальная занятость. Оставшаяся часть в значительной степени связана с расхождением трендов в 2014–2016 гг.

Особенности нашего подхода к ограничению выборки (см. выше) ведут к тому, что в выборке оказывается и часть индивидов старше трудоспособного возраста. Некоторые из них также имеют работу. Динамика уровня занятости в этой группе заметно отличается от динамики показателей для лиц трудоспособного возраста (ср. рис. 2 и рис. 3). Последнее десятилетие было отмечено его быстрым ростом среди лиц старшего возраста. В результате к 2016 г. он достиг 28–30%, что примерно на 10 п.п. выше, чем в середине 1990-х гг. Еще одной особенностью является более низкая распространенность среди лиц старшего возраста нерегулярных приработков – их учет добавляет к показателю, рассчитанному по постоянной занятости, всего 1,5–2,5 п.п. (3–4 п.п. в первой половине 2000-х годов).

Переходя на семейный уровень, мы будем оперировать показателями незанятости¹⁰, которые удобнее использовать при расчете показателей неравенства в вовлеченности домохозяйств в трудовую деятельность. Показатель семейной незанятости рассчитывался как доля домохозяйств, в которых нет работающих членов трудоспособного возраста. На рис. 4 показана его динамика для разных вариантов расчета. Как видно на рисунке, семейные показатели мало чувствительны к тому, учитывается ли занятость всех взрослых членов домохозяйства или только тех, кто находится в трудоспособном возрасте. Лишь в 1–2% домохозяйств, имеющих в своем составе лиц трудоспособного возраста, занятыми являются только лица старшего возраста. Учитывая, что самостоятельный вклад старших возрастов в показатели семейной незанятости остается небольшим, в дальнейшем мы будем учитывать занятость только лиц трудоспособного возраста.

¹⁰ Показатель рассчитывается как 100% минус уровень занятости.

Более сильное влияние на величину показателя семейной незанятости оказывает учет нерегулярных приработков. Если учитываются все виды занятости, доля домохозяйств, не имеющих занятых, составляет около 10%. Если уже учитывается только постоянная работа, то эта доля увеличивается до 14–15%. Как и для индивидуальных показателей, на семейном уровне нерегулярные приработки помогают сглаживать проблему незанятости, что особенно сильно проявилось в начале 2000-х годов.

На семейном уровне показатели незанятости существенно ниже, чем на индивидуальном. Так, если среди трудоспособного населения в среднем за рассматриваемый период работы не имели 26% респондентов, то в домохозяйствах, не имеющих работающих членов, проживали всего 6% населения трудоспособного возраста (по постоянной занятости соответствующие значения составляют 32 и 9%). Это означает, что значительная часть незанятых индивидов трудоспособного возраста проживают в домохозяйствах, где есть другие занятые. В домохозяйствах, где нет работающих членов, проживает лишь каждый пятый из незанятых индивидов трудоспособного возраста. В кризисные годы (1998, 2009 гг.) их доля возрастала до четверти.

Циклическая динамика заметна в показателях незанятости как на индивидуальном, так и на семейном уровнях: в обоих случаях уровень незанятости увеличивался в период кризисов и уменьшался на стадии экономического подъема. При этом циклические колебания более отчетливо проявляются в изменениях индивидуального уровня незанятости. Для семейного показателя они имеют более сглаженный характер – наличие в домохозяйстве вторых, третьих и т.д. работников смягчает последствия негативных шоков на рынке труда.

О нетривиальности различий между индивидуальным и семейным уровнями незанятости свидетельствуют расчеты отдельно для мужчин и женщин (рис. 5). Индивидуальные показатели указывают на то, что уровень незанятости среди женщин заметно выше, чем среди мужчин. Однако при переходе на уровень домашних хозяйств различия сглаживаются: примерно одинаковая доля мужчин и женщин проживает в домохозяйствах, в которых нет занятых. Эти различия отражают гендерные паттерны в семейном предложении труда – имеются семьи, в которых муж зарабатывает деньги, жена посвящает себя воспитанию детей, оставаясь незанятой. Впрочем, подобная «традиционная» модель домохозяйства в нашей стране не является доминирующей: в российских семьях, как правило, заняты оба партнера.

Домохозяйства, имеющие и не имеющие занятых, заметно различаются между собой (табл. 1). Домохозяйства, не включенные в занятость, в среднем

меньше по размеру – примерно на 1 человека. В их состав намного чаще входят лица старше трудоспособного возраста. По-видимому, доходы представителей старшего поколения, большую часть которых составляют пенсии, становятся важным источником доходов для домохозяйств, не имеющих занятых. Однако за последние 10 лет резко увеличилась доля домохозяйств, в которых заняты лица старше трудоспособного возраста. Так, в 2015 г. в 20% домохозяйств, не имеющих занятых трудоспособного возраста, присутствовал занятый пенсионер; в 2005 г. таких было 10%. В то же время в таких семьях значительно реже присутствуют дети. В 2015 г. лишь 17% домохозяйств, не имеющих занятых, имели детей младше 16 лет (в 2000–2005 гг. – около 30%); среди домохозяйств, имеющих занятых, таких было 46% (в 1995–2000 гг. – 55–60%). Эти различия отражают прежде всего разницу в возрастном составе двух типов домохозяйств.

Члены домохозяйств, не имеющих занятых, чаще занимаются активным поиском работы. В 2015 г. в каждом шестом домохозяйстве, не имеющем занятых, был хотя бы один человек, которого можно отнести к безработным в соответствии с критериями МОТ (то есть те, кто занимался поиском работы и готов был приступить к работе на текущей неделе). В 2015 г. лишь в 6% домохозяйств, имеющих занятых, присутствовали безработные. Схожие по масштабам расхождения между двумя типами домохозяйств наблюдаются и в остальные годы с поправкой на снижение общего уровня безработицы. Таким образом, наличие занятых может снижать стимулы к поиску работы у других членов домохозяйств.

Чтобы оценить, какие характеристики домохозяйств повышают риски оказаться в числе не имеющих занятых трудоспособного возраста, мы оценили простую пробит-регрессию (см. результаты оценивания в виде средних предельных эффектов в табл. 2). Риск исключения с рынка труда зависит от состава и типа домохозяйства. С максимальным риском сталкиваются домохозяйства, состоящие из одного человека трудоспособного возраста без детей, и семейные пары без детей, в которых один из супругов старше трудоспособного возраста. Все типы домохозяйств с детьми имеют более низкие риски незанятости, что, безусловно, связано с более молодым возрастом его членов. Однако с увеличением числа детей такие риски возрастают. Тот же эффект имеет и увеличение числа лиц старше трудоспособного возраста. Наоборот, каждый дополнительный член трудоспособного возраста снижает вероятность исключения домохозяйства из занятости. Место жительства также оказывается важным фактором семейной незанятости. Ниже всего риски у домохозяйств, проживающих в городах, не являющихся областными центрами, далее следуют областные центры и поселки городского типа. Самые высокие

риски незанятости у домохозяйств из сельской местности. С точки зрения географии незанятости наиболее уязвимыми являются Южный и Сибирский федеральные округа. Вместе с тем по остальным округам значимых различий не наблюдается. С учетом включенных в уравнение переменных цикличность показателя семейной незанятости проявляется не сильно: значимо выше, чем в другие годы, незанятость поднималась лишь в 1998 г., а значимо ниже – опускалась в 2012–2014 гг. Данная регрессия не может интерпретироваться как отражение причинно-следственных связей, но она отчетливо указывает на то, что решающим фактором семейной незанятости является состав домохозяйства.

3. Международные сопоставления по уровню незанятости

В этом разделе мы сравним значения индивидуального и семейного уровней незанятости по России с оценками по другим странам. В международных стандартах статистики трудоспособный возраст определяется как интервал от 15 до 64 лет для обоих полов, в российских стандартах – от 16 до 54 лет для женщин и от 16 до 59 лет для мужчин. Чтобы обеспечить сопоставимость, мы рассчитали по РМЭЗ ВШЭ долю незанятых среди населения в возрасте 15–64 лет по общей и постоянной занятости (рис. 6).

Дополнительный охват лиц пенсионного возраста, в котором происходит снижение экономической активности, естественно ведет к некоторому повышению показателя незанятости. Ранний официальный срок выхода на пенсию предопределяет достаточно высокий уровень занятости в первые годы после назначения пенсии. Многие пенсионеры продолжают работать после достижения пенсионного возраста, а уход с рынка труда происходит довольно плавно. В результате по показателю незанятости, учитывающему все виды занятости, Россия оказывается в группе стран с достаточно низкими значениями этого индекса, такими как США, Великобритания, Австралия, Австрия, Финляндия. Рассчитанный нами уровень индивидуальной незанятости для 2016 г. составил для России 31,6%, тогда как средний показатель по странам ЕС равнялся 33,4%, а по странам ОЭСР – 33,0%¹¹. Сокращение масштабов нерегулярной и случайной занятости в России ведет к постепенному сближению показателей, рассчитанных для общей и постоянной занятости, хотя в 2000-е годы нерегулярные заработки были важным способом адаптации к макроэкономическим шокам.

¹¹ Рассчитано на основе данных об уровне занятости из OECD.Stat. <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=STLABOUR#>

ОЭСР публикует данные о доле взрослых, проживающих в домохозяйствах, в которых нет занятых. При расчете этого показателя из выборки исключаются домохозяйства, состоящие только из студентов и экономически неактивных лиц в возрасте 65 лет и старше. А сам показатель незанятости представляет собой долю взрослых в возрасте 15–74 лет, проживающих в домохозяйствах, в которых нет ни одного занятого¹². Для получения сопоставимых оценок мы рассчитали показатель семейной незанятости по РМЭЗ ВШЭ в соответствии с описанной методологией (только для данного раздела).

Результаты расчетов для 2007 и 2012 гг. представлены на рис. 7. В 2007 г. Россия характеризовалась очень низкой долей людей, проживающих в домохозяйствах, не имеющих занятых. Однако в 2007 г. мы видим и другие страны с близкими и более низкими значениями данного показателя – это Эстония, Латвия, Португалия, Испания. Далее динамика показателей расходится. Между 2007 и 2012 гг. в большинстве стран произошло значительное повышение доли людей, проживающих в домохозяйствах, которые «отлучены» от рынка труда. В России наблюдался минимальный рост этого показателя – с 8,0 до 8,1%. В результате в 2012 г. Россия оказалась абсолютным «рекордсменом» по интеграции домохозяйств в занятость. Даже по показателю, учитывающему только постоянную занятость, Россия занимает весьма благоприятное положение по сравнению со странами ОЭСР. Конечно, эти показатели ничего не говорят о качестве занятости, размерах вознаграждения и т.п., но все же свидетельствуют о сравнительно низком уровне неравенства с точки зрения доступа к занятости.

Столь хорошие результаты России на фоне других стран могут быть связаны с целым рядом факторов. Во-первых, низкий уровень пенсий, пособий по безработице и других социальных выплат, а также отсутствие сбережений не позволяют индивидам оставаться без работы длительное время. Слабость системы социальной защиты и угроза бедности заставляет браться за любое подходящее предложение о работе. Во-вторых, в России имеется достаточно большой сегмент нерегулярной и неформальной занятости, в том числе в производстве продукции ЛПХ на продажу, который дает возможность занятости тем, кто не готов работать полный рабочий день и на постоянной основе. В-третьих, многие россияне продолжают жить в сравнительно крупных по размеру многопоколенных домохозяйствах, и трудоустройство хотя бы одного человека «решает» проблему интеграции домохозяйства в занятость. Наконец, низкая продолжительность жизни в России сдвигает демографическую

¹² См. OECD (2014), p. 23 – Figure 1.5. DOI: 10.1787/soc_glance-2014-graph5-en

структуру населения в сторону молодых возрастов и «обеспечивает» более низкую по сравнению с развитыми странами долю лиц самых старших и наименее экономически активных возрастов.

4. Измерение неравенства в распределении занятости между домохозяйствами: основные показатели

Традиционные индексы неравенства – коэффициент Джини и децильные коэффициенты – не подходят для измерения неравенства в сфере занятости, поскольку эти показатели были разработаны для изучения непрерывных переменных (таких как денежные доходы), а занятость является бинарной характеристикой, то есть принимает только два значения: «занят» или «не занят». Для измерения неравенства по таким характеристикам были предложены специальные индексы неравенства, получившие название индексов поляризации занятости [Gregg, Wadsworth, 2008]. Эти индексы строятся на идее контрафактического (гипотетического) распределения занятости, которое существовало бы в том случае, если бы занятость индивидов распределялась между домохозяйствами случайным образом. Для оценки неравенства по имеющимся данным сначала рассчитывается фактический семейный уровень незанятости. Он равен доле домохозяйств, не имеющих занятых членов. Затем рассчитывается контрафактический уровень семейной незанятости, который наблюдался бы при условии случайного распределения занятых индивидов между домохозяйствами. Наконец, на последнем шаге определяется индекс поляризации занятости, который равен разности между фактическим и контрафактическим уровнем семейной незанятости.

Мы используем два варианта расчета индекса поляризации занятости, которые различаются между собой по предпосылкам, заложенным в основу контрафактического сценария. Первый (базовый) вариант расчета – самый простой. Он строится на предпосылке о том, что *все* индивиды трудоспособного возраста имеют одинаковую вероятность занятости, равную общему уровню занятости в целом по выборке. В этом контрафактическом сценарии учитывается только размер домохозяйства. Второй вариант учитывает различия в составе домохозяйств и исходит из предпосылки о том, что уровень занятости каждого члена домохозяйства равен среднему уровню занятости по группе индивидов, обладающих такими же индивидуальными характеристиками. Этот сценарий позволяет, кроме различий в размерах домохозяйств, учесть различия в их составе.

В базовом варианте контрафактический семейный уровень незанятости в году t (\hat{w}_{kt}) зависит только от размера домохозяйства и общего уровня занятости

населения в соответствующем году (e_t). Для любого домохозяйства, включающего k членов трудоспособного возраста, он рассчитывается по правилам комбинаторики как вероятность того, что *все* лица трудоспособного возраста одновременно не имеют работы:

$$\hat{w}_{kt} = \left(\underbrace{(1 - e_t) * \dots * (1 - e_t)}_{k, \text{ раз}} \right). \quad (1)$$

Для домохозяйств с одним взрослым трудоспособного возраста вероятность семейной незанятости равна индивидуальному уровню незанятости; для домохозяйств, включающих двух членов трудоспособного возраста, – квадрату уровня незанятости и т.д.

Семейный уровень незанятости для всей страны рассчитывается как средневзвешенное из семейных уровней незанятости для домохозяйств разного размера:

$$\hat{w}_t = \sum_{k=1}^K s_{kt} \hat{w}_{kt}, \quad (2)$$

где s_{kt} – доля домохозяйств, имеющих k членов трудоспособного возраста. Значение, рассчитанное по формуле (2), – это контрафактическая доля домохозяйств, не имеющих занятых членов, которая наблюдалась бы при случайном распределении занятых между домохозяйствами для сценария, когда все лица трудоспособного возраста имеют одинаковую вероятность занятости.

Индекс поляризации занятости равен разности между фактическим и контрафактическими значениями семейного уровня незанятости: $P_t = w_t - \hat{w}_t$. Если занятые распределяются между домохозяйствами случайным образом, то индекс поляризации будет равен нулю. Положительное значение индекса указывает на избыточное количество домохозяйств, не имеющих занятых. При отрицательных значениях индекса мы наблюдаем меньше домохозяйств, не имеющих занятых, чем было бы в случае случайного распределения занятости между домохозяйствами.

Из формулы для расчета индекса поляризации видно, что при прочих равных неравенство в распределении занятости будет расти при перемещении занятости из малых в более крупные домохозяйства, а также если новые рабочие места будут доставаться работникам, в семьях которых уже есть занятые. Кроме того, на величину индекса оказывают влияние демографические и экономические факторы, определяющие размеры домохозяйств.

Для того, чтобы изолировать влияние экономических шоков и циклов на уровень занятости, полезно рассчитывать индекс поляризации занятости в

стандартизированной форме: $(w_t - \hat{w}_t)/(1 - e_t)$. Стандартизированный индекс имеет преимущества при проведении международных сопоставлений и при анализе динамики неравенства в условиях макроэкономической нестабильности.

Кроме базового контрафактического сценария, в котором все индивиды имеют одинаковую вероятность занятости, можно рассмотреть более реалистичный сценарий, в котором уровни занятости различаются по группам населения. Этот сценарий позволяет учесть различия между домохозяйствами по составу. Низкий уровень образования и проживание в депрессивном регионе негативно влияют на вероятность отдельного человека найти работу, однако их воздействие может проявляться еще сильнее в семьях, где другие члены также обладают неблагоприятными характеристиками с точки зрения рынка труда.

Мы выделяем социально-демографические группы по тем характеристикам, которые влияют на индивидуальный уровень занятости. Это пол, возраст, образование, регион и тип населенного пункта. Каждый из членов домохозяйства принадлежит к некоторой подгруппе населения с набором характеристик X . Ожидаемый уровень занятости может рассчитываться либо как средний уровень занятости по подгруппе (для больших выборок), либо с использованием регрессий.

Для второго сценария контрафактический уровень незанятости в домохозяйстве с k членов трудоспособного возраста будет равен произведению ожидаемых уровней незанятости для каждого из его членов:

$$\hat{w}_{t,X}^k = \prod_{i=1}^k (1 - e_{t,X}) \quad (3)$$

где $e_{t,X}$ – средний уровень занятости по работникам, обладающим набором характеристик X_i . Таким образом, для каждого домохозяйства рассчитывается свой контрафактический уровень незанятости, который зависит от его размера и характеристик членов домохозяйств. Поэтому семейный уровень незанятости, рассчитанный по формуле (3), будем называть «условным».

Для этого контрафактического сценария также могут быть рассчитаны условные индексы поляризации занятости (формулы аналогичны уже приведенным). Условный индекс поляризации будет тем выше, чем «хуже» (с точки зрения вероятности занятости) характеристики членов домохозяйств с одним взрослым и/или чем выше концентрация индивидов с неблагоприятными характеристиками в отдельных домохозяйствах – для семей с несколькими взрослыми.

5. Как менялась доступность занятости на уровне домохозяйств?

Первый контрафактический сценарий предполагает, что все индивиды трудоспособного возраста имеют одинаковую вероятность занятости, равную общему уровню занятости в целом по выборке, и занятость распределяется между домохозяйствами случайным образом.

На рис. 8а показано, как изменялись фактический и контрафактические уровни незанятости и индексы поляризации занятости для такого сценария. Как мы видим, фактический и контрафактический уровни очень схожи между собой и значения индекса поляризации близки к нулю для всех лет. Небольшие отклонения от нуля, наблюдающиеся в отдельные годы, – отрицательны. Это означает, что занятость распределена между российскими домохозяйствами столь же равномерно, а в отдельные годы даже более (!) равномерно, чем если бы распределение происходило случайным образом. Другими словами, в России оказывается столько же или меньше домохозяйств, не имеющих занятых, сколько их было бы при случайном распределении занятых между домохозяйствами. В целом за 1994–2016 гг. неравенство в распределении занятости снизилось, но всего на 0,9 п.п. Причиной снижения неравенства стал более быстрый рост ожидаемого уровня занятости по сравнению с фактическим. Это означает, что что-то важное происходило в этот период с размерами домохозяйств. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Похожая ситуация складывается и при использовании более жесткого критерия занятости – наличия постоянной работы (рис. 8б). В этом случае показатель абсолютной поляризации еще меньше отклоняется от нуля. Даже в кризисные годы его значения слабо положительны. Кризис не приводил к заметным отклонениям от случайного равномерного распределения занятости между домохозяйствами – мы не видим, чтобы в кризис резко возрастала доля домохозяйств, не имеющих постоянно занятых. При этом показатели поляризации, рассчитанные по общей занятости, для всех лет ниже показателей для постоянной занятости: расхождения сокращаются в кризисные периоды и увеличиваются в благоприятные годы. Другими словами, нерегулярная занятость способствует росту доступности рабочих мест для некоторого числа домохозяйств и снижению неравенства в их распределении, но этот эффект невелик и проявляется, вопреки ожиданиям, в благоприятные, а не кризисные годы.

Динамика поляризации имеет четко выраженный циклический характер: неравенство увеличивается в кризисные годы и снижается в благоприятные

периоды. Особенно четко циклический характер прослеживается в стандартизированном показателе, который учитывает циклические изменения в индивидуальном уровне незанятости, то есть изменения в ситуации на рынке труда. В кризисные периоды неравенство усиливается, но и тогда показатель едва превышает нулевые значения. Показатели поляризации, рассчитанные для постоянной занятости, имеют более сглаженную динамику, чем показатели, учитывающие все виды занятости. Нерегулярные подработки усиливают волатильность в распределении занятости между домохозяйствами, но опять же весьма незначительно.

В отрицательных значениях индекса поляризации нет ничего уникального. По расчетам [Gregg et al, 2009], отрицательная и нулевая поляризация наблюдались в течение длительного времени и во многих развитых странах, например, в Испании, Германии, США. При этом в Испании и Германии поляризация оставалась отрицательной на протяжении всего периода с 1977 по 2005 г., хотя во всех перечисленных странах (а также в Великобритании и Австралии) произошел рост поляризации. В работе [Gregg et al., 2010] указывается, что отрицательные коэффициенты поляризации хорошо согласуются с традиционным гендерным разделением труда, когда замужние женщины уходят с рынка труда после рождения детей и играют роль «дополнительного» работника в кризисные периоды. В результате складывается ситуация с высоким уровнем занятости в семьях с одним взрослым и высокой долей семей смешанного типа, где есть занятые и незанятые, среди домохозяйств с двумя взрослыми. При этом чрезвычайно мала доля семей с двумя и более взрослыми, в которых заняты все трудоспособные члены.

В табл. 3 показатель семейной незанятости представлен в разбивке по типам домохозяйств в зависимости от количества трудоспособных членов. Самый высокий уровень семейной незанятости наблюдается в тех домохозяйствах, где есть только один взрослый в трудоспособном возрасте. Вероятность попадания семьи в незанятость снижается по мере увеличения количества потенциальных работников. Схожая тенденция наблюдается во всех странах, причем наш уровень незанятости в домохозяйствах с одним взрослым вполне «вписывается» в интервал, наблюдаемый в развитых странах. Они очень близки к оценкам по Германии и США [Gregg et al., 2010].

Для России характерен очень низкий уровень незанятости в домохозяйствах с двумя и более членами в трудоспособном возрасте. Например, в развитых странах доля домохозяйств с двумя взрослыми трудоспособного возраста, не имеющими занятых, составляла 6–15% в середине 1990-х годов и 6–8,5% в середине 2000-х годов [Gregg et al., 2010]. По нашим расчетам, в России

эта доля колебалась в диапазоне от 3,1 до 6,9%. Заметим также, однако, что уровень незанятости в более крупных (три и более членов) домохозяйствах значительно активнее реагирует на макроэкономические шоки. Это отражает меньшую устойчивость занятости дополнительных работников при сравнительно высоких рисках потери работы основным работником. Скорее всего, крупные домохозяйства имеют и другие источники дохода – доходы от ЛПХ, пенсии, пособия, неформальные трансферты.

Россия имеет существенные отличия от развитых стран в демографических характеристиках домохозяйств. В нашей стране очень высока доля домохозяйств, имеющих три и более членов трудоспособного возраста. В 2000–2010 гг. их доля составляла около 30%, в остальные годы – 23–25% (рис. 9). Из развитых стран аналогичные показатели в 1990–2000-е годы имела только Испания (ср. [Gregg et al., 2010]). Причина такого положения состоит в более позднем уходе повзрослевших детей из родительских семей, что особенно ярко проявилось в 2000-е годы, когда в трудоспособный возраст вошли многочисленные когорты родившихся во второй половине 1980-х годов. Расширение охвата молодежи высшим образованием и кризис 1998 г. также тормозили уход из родительского дома.

Рисунок 9 указывает и на важные демографические сдвиги в структуре российских семей. За рассматриваемые 20 лет заметно выросла доля домохозяйств с одним взрослым (с 26 до 33%). Рост произошел прежде всего за счет сокращения доли домохозяйств с двумя взрослыми членами (с 51 до 44%). Этот демографический сдвиг сам по себе должен был привести к росту общего уровня семейной незанятости, поскольку именно для домохозяйств с одним взрослым характерен самый высокий уровень незанятости. Но ни в табл. 3, ни на рис. 4 мы не видим этого роста. Однако очевидно, что динамика семейного уровня незанятости находится под влиянием сложной связки событий, происходивших на рынке труда и в демографической сфере. Для выявления влияния этих факторов в следующем разделе проводится декомпозиция изменений в уровне семейной незанятости.

6. Почему менялся семейный уровень незанятости?

Следующая важная задача – понять, почему менялись семейные уровни занятости. В работе [Gregg, Wadsworth, 2008] предложен интересный метод декомпозиции изменений семейного уровня незанятости во времени (Δw). Этот метод позволяет выделить вклад трех разных процессов:

- изменений, связанных с демографическими сдвигами (изменение размеров домохозяйства);

- изменений в ситуации на рынке труда, то есть в общем уровне (не)занятости;
- изменений в неравенстве в распределении занятости между домохозяйствами, то есть выравнивание шансов на получение работы для индивидов из разных домохозяйств независимо от размера и наличия других занятых.

Если представить Δw как $\Delta \hat{w} + \Delta(w - \hat{w})$, тогда:

$$\begin{aligned} \Delta w &= \Delta \hat{w} + \Delta(w - \hat{w}) = \sum_{k=1}^K \Delta \{s_k n^k\} + \sum_{k=1}^K \Delta \{s_k (w_k - n^k)\} = \\ &= \sum_{k=1}^K \Delta s_k [0,5n_t^k + 0,5n_{t+1}^k] + \sum_{k=1}^K \Delta n^k [0,5s_{kt} + 0,5s_{k,t+1}] \\ &+ \sum_{k=1}^K \Delta s_k [0,5(w_k - n^k)_t + 0,5(w_k - n^k)_{t+1}] + \sum_{k=1}^K \Delta(w_k - n^k) [0,5s_{kt} + 0,5s_{k,t+1}] \end{aligned} \quad (4)$$

В уравнении (4) первое слагаемое отражает вклад изменений в размерах домохозяйств, второе слагаемое – вклад изменений в индивидуальных уровнях незанятости, а третье и четвертое слагаемые – вклад изменений в распределении занятых индивидов между домохозяйствами. Последние два слагаемых соответствуют межгрупповому и внутригрупповому компонентам поляризации. Межгрупповой компонент (третье слагаемое) увеличивается, когда демографическая структура смещается в сторону домохозяйств с более высоким уровнем незанятости (чаще всего, это домохозяйства с малым числом трудоспособных членов). Внутригрупповой компонент (четвертое слагаемое) отражает изменения в уровне поляризации внутри групп домохозяйств, выделенных по размеру.

В табл. 4 представлена декомпозиция изменений уровня незанятости с использованием формулы (4). Мы рассмотрим изменения в целом за весь 20-летний период и по четырем подпериодам.

В целом за весь период изменение семейного уровня незанятости было небольшим: доля домохозяйств, не имеющих занятых трудоспособного возраста, увеличилась всего на 1,6 п.п. – с 9,5 до 11,1% (по всем видам занятости). Однако декомпозиция показывает, что стабильность показателя маскирует важные сдвиги, которые носили разнонаправленный характер и отчасти компенсировали друг друга.

Уровень семейной незанятости подталкивался вверх двумя группами факторов: демографией и ростом незанятости на индивидуальном уровне. Ключевую роль играли демографические изменения – в данном случае увеличение доли домохозяйств небольшого размера (в предыдущем разделе мы

показали, что это семьи с одним взрослым). Уменьшение размеров средних домохозяйств может вести к увеличению незанятости даже при сохранении ситуации на рынке труда, так как домохозяйства с меньшим числом трудоспособных членов, как правило, имеют более высокий уровень семейной незанятости.

За период между 1994 и 2016 гг. демографические сдвиги добавили 1,4 п.п. к уровню семейной незанятости. При этом большая часть прироста пришлась на период между 2007 и 2012 г. До 2007 г. и после 2012 г. демография оказывала скромное влияние. Впрочем, общий эффект демографических сдвигов еще больше – они воздействовали на семейный уровень незанятости еще через один канал – через поляризацию занятости, о чем пойдет речь ниже.

Второй повышающий фактор – рост индивидуального уровня незанятости, который, по данным РМЭЗ ВШЭ, за рассматриваемый период вырос на 2 п.п., что отразилось в росте уровня семейной незанятости на 1,1 п.п. Как показывают изменения по подпериодам в столбце (3) табл. 4, это наиболее чувствительный к экономической конъюнктуре компонент. Именно он отвечает за резкий взлет уровня семейной незанятости в 1998 г. и его снижение по мере активизации экономического роста. Период 2007–2012 гг., несмотря на экономический кризис 2008–2009 гг., также характеризовался снижением индивидуального и, как следствие, семейного уровня незанятости. В 2012–2016 гг. мы снова наблюдаем его рост, и это основная причина роста уровня семейной незанятости в последние годы.

В противоположную сторону, то есть на сокращение уровня семейной незанятости, в 1994–2016 гг. работал фактор поляризации – за счет снижения неравенства в распределении занятых индивидов между домохозяйствами уровень семейной незанятости снизился на 0,9 п.п. (см. столбец (5) в табл. 4) При этом снижение уровня неравенства наблюдалось во все подпериоды, кроме 1998–2007 гг. Столбцы (6) и (7) в табл. 4 показывают, за счет чего изменялось неравенство в распределении занятых индивидов между домохозяйствами. Несмотря на то, что общий вклад поляризации отрицателен, демографические факторы действовали в сторону увеличения неравенства: структура домохозяйств смещалась в сторону домохозяйств с более высоким уровнем неравенства. Таким образом, в целом за 1994–2016 гг. общий вклад демографических факторов в увеличение семейного уровня незанятости составил 1,8 п.п.

В то же время внутри каждого типа домохозяйств происходило снижение поляризации. При этом устойчивая отрицательная поляризация наблюдалась только в домохозяйствах с двумя трудоспособными взрослыми (рис. 10).

В семьях с таким составом фактический уровень семейной незанятости постоянно был ниже контрафактического (прогнозного) уровня. Данное наблюдение связано с чрезвычайно высокой распространенностью занятости обоих партнеров в семейных парах. Домохозяйства с двумя трудоспособными взрослыми внесли наибольший вклад в снижение неравенства в распределении занятости. Этот вклад особенно заметен в период после 2009 г.

В целом за период 1994–2016 г. снижение неравенства произошло и среди домохозяйств с одним взрослым. Однако в этой группе все снижение относится к 1994–2007 гг., в последние годы наблюдался рост поляризации. Несмотря на это, в целом за 20-летний период эффект для этого типа домохозяйств оставался отрицательным. В остальных типах домохозяйств ситуация более волатильна.

Интерпретация несколько меняется, если использовать более жесткое определение занятости, учитывающее только занятых на постоянной основе (см. табл. 4, панель Б). Уровень семейной незанятости, рассчитанный для этого определения занятости, вырос сильнее. С 1994 по 2016 г. его прирост составил 3 п.п. Вклад совокупных демографических факторов был примерно равен по величине описанному выше (2 п.п.), так же, как и вклад от снижения поляризации (–0,9 п.п.). При этом резко увеличивается значимость факторов рынка труда. Вклад этого компонента составил 2,4 п.п. (по сравнению с 1,1 п.п. для всех видов занятости). Таким образом, нерегулярная занятость частично купирует негативные тренды в постоянной занятости, что мы наблюдаем не только на индивидуальном, но и на семейном уровне.

7. Условная поляризация

Все предшествующие расчеты исходили из предпосылки, что ожидаемый уровень незанятости одинаков для всех членов семьи независимо от их индивидуальных характеристик. В этом разделе мы снимаем это допущение и усложняем анализ, чтобы посмотреть, каким образом неравенство в распределении занятости зависит от состава домохозяйств. Во втором контрафактическом сценарии предполагается, что для каждого члена семьи вероятность незанятости соответствует средней по той социально-демографической группе, к которой он(а) принадлежит.

Отдельно по каждому году мы рассчитали ожидаемый уровень незанятости для каждого трудоспособного члена домохозяйства. Расчеты проводилась на основе пробит-регрессии для занятости, включающей в качестве объясняющих переменных пол, регион проживания, тип населенного пункта, возраст (три группы: 16–24 лет, 25–44 лет, 45 и более лет), пересечение переменных возраста и пола, уровень образования (четыре группы:

незаконченное среднее, полное среднее, среднее специальное, высшее). Далее для каждого домохозяйства по формуле (3) рассчитывался свой контрафактический уровень незанятости в зависимости от ожидаемого уровня незанятости всех его членов трудоспособного возраста. При этом сохраняется предположение о том, что распределение занятых между домохозяйствами является случайным, то есть не зависит от занятости/незанятости других членов домохозяйства, его размеров и т.п. Условный семейный уровень незанятости по выборке рассчитывался как среднее взвешенное из уровней незанятости по всем домохозяйствам.

На рис. 11 представлены значения условных показателей семейной незанятости и поляризации для всех лет. Как видно из рисунка, уровень семейной незанятости был бы заметно ниже, если бы для всех членов семьи вероятность незанятости соответствовала средней по их социально-демографической группе (лиц того же пола, принадлежащих к той же возрастной группе, имеющих тот же уровень образования, проживающих в том же регионе и в населенном пункте того же типа). Соответственно, в условном сценарии показатели неравенства в распределении занятости выше, чем в безусловном (ср. рис. 8 и 11). Они становятся положительными почти для всех лет, если учитывать все виды занятости, и строго для всех лет – для постоянной занятости. Таким образом, учет состава домохозяйств увеличивает разницу в значениях показателей поляризации, рассчитанных для всех видов занятости и постоянной занятости. Среди домохозяйств, где нет занятых, чаще встречаются домохозяйства малого размера и с высокой концентрацией лиц с менее конкурентоспособными характеристиками. Верно и обратное, домохозяйства, члены которых обладают менее конкурентоспособными характеристиками, имеют более высокие риски незанятости, особенно риски отсутствия постоянной работы. При этом для условного сценария, как и для рассмотренного ранее безусловного сценария, не прослеживается каких-либо явных трендов в динамике показателей неравенства, хотя также присутствует циклический компонент.

Использование условных показателей позволяет рассмотреть различия в семейных уровнях незанятости и поляризации занятости между разными типами домохозяйств. Наибольший интерес вызывают те характеристики, которые определяют успешность на рынке труда. Многочисленные исследования российского рынка труда показывают, что лица с высшим образованием имеют более высокий уровень занятости. На рис. 12 представлены расчеты показателей уровня семейной незанятости и поляризации занятости для домохозяйств, имеющих и не имеющих в своем составе лиц с высшим образованием

(в расчетах учитывались все виды занятости и только лица трудоспособного возраста). Как и следовало ожидать, домохозяйства, члены которых не имеют высшего образования, характеризуются высоким уровнем незанятости – в среднем за 1994–2016 гг. 13,5% таких домохозяйств не имели занятых членов. В тех домохозяйствах, где хотя бы один член имеет высшее образование, уровень семейной незанятости был гораздо ниже – всего 3,9%. Однако в контексте темы неравенства важнее то обстоятельство, что для первой группы домохозяйств заметно выше разрыв между фактическим и контрафактическим значениями показателей незанятости. Для этой группы уровень незанятости выше, чем тот, который мы ожидали увидеть исходя из характеристик членов этих домохозяйств. Другими словами, домохозяйства, в которых никто не имеет высшего образования, сталкиваются с «избыточной» незанятостью, то есть они несут дополнительные риски незанятости сверх тех рисков, которые обусловлены объективными социально-демографическими характеристиками их членов. Индивид без высшего образования имеет более высокие шансы трудоустройства, если он проживает в домохозяйстве, где есть лица с высшим образованием. И наоборот, проживание в домохозяйстве, где нет лиц с высшим образованием, ухудшает ее/его шансы найти работу. Более того, эти риски стали усиливаться после 2007 г., о чем говорит увеличение расхождений в показателях поляризации занятости между домохозяйствами, имеющими и не имеющими членов с высшим образованием. Уровень поляризации вырос для домохозяйств, не имеющих членов с высшим образованием, и сократился для тех домохозяйств, где есть лица с высшим образованием.

В целом фактор высшего образования имел неоднозначное влияние на уровень семейной незанятости. С одной стороны, расширение доступности высшего образования и рост доли домохозяйств, имеющих членов с высшим образованием, способствовали снижению общего уровня незанятости. Доля таких домохозяйств, имеющих членов с высшим образованием, за 1994–2016 гг. выросла с 29 до 41%. Если бы в 2016 г. этот показатель оставался на уровне 1994 г., то фактический уровень семейной незанятости по всей выборке был бы выше на 1,7 п.п. С другой стороны, этих структурных сдвигов оказалось недостаточно, чтобы компенсировать действие факторов, поддерживавших рост уровня семейной незанятости. Увеличение спроса на квалифицированную рабочую силу после начала рыночных реформ способствовало росту относительных преимуществ высшего образования как на индивидуальном, так и на семейном уровне. В результате за 1994–2016 гг. ожидаемый уровень семейной незанятости среди домохозяйств, имеющих членов с высшим образованием, вырос на 0,3 п.п., а в группе домохозяйств, не имеющих таковых,

– на 4 п.п. Домохозяйства, в которых нет высокообразованных членов, столкнулись с более интенсивным снижением спроса на труд. Домохозяйства, не имеющие членов с высшим образованием, столкнулись и с ростом поляризации занятости внутри своей группы. В результате фактический уровень незанятости для домохозяйств, в которых ни у кого нет высшего образования, вырос на 5 п.п., в то же время для домохозяйств, где таковые есть, он сократился на 0,8 п.п. Таким образом, наличие или отсутствие в домохозяйстве лиц с высшим образованием играет все более важную роль в доступе к занятости. Эта роль определяется ростом отдачи от этого типа образования, экспансией высшего образования и дополнительными выгодами и рисками, которые связаны с наличием высшего образования у других членов домохозяйства.

В табл. 5 анализируется динамика уровня семейной незанятости и поляризации занятости в домохозяйствах различных типов. Типы домохозяйств выделялись в зависимости от наличия детей, семейных пар и возраста взрослых членов домохозяйства таким образом, чтобы выделить все распространенные типы домохозяйств.

Домохозяйства разных типов очень сильно отличаются друг от друга как по фактическому, так и по контрафактическому (ожидаемому) уровню незанятости. Самые высокие фактические показатели незанятости наблюдаются среди семейных пар без детей, где один из супругов уже вышел из трудоспособного возраста, и среди одиноких людей в трудоспособном возрасте без детей. Однако и характеристики членов обоих типов домохозяйств таковы, что ожидаемый уровень незанятости для них также значительно выше, чем для большинства других типов домохозяйств. Впрочем, фактический уровень все равно превышает ожидаемый, поэтому показатели поляризации у них положительные и высокие, особенно в 1994 г. В этих типах домохозяйств наблюдается «избыточная» незанятость, масштабы которой сокращались со временем.

Одинокие люди без детей испытывают повышенные сложности в поиске работы, либо по тем или иным причинам не заинтересованы в поиске работы. Фактический уровень занятости в этом типе домохозяйств не изменился между 1994 и 2016 гг. Снижение поляризации произошло за счет роста ожидаемого уровня незанятости – люди с соответствующими социально-демографическими характеристиками реже оказываются в числе занятых, скорее всего, из-за продолжения учебы в вузах.

В семейных парах старшего возраста без детей, по-видимому, нередкой является ситуация совместного выхода супругов на пенсию, даже если один из супругов еще не достиг официального возраста выхода на пенсию (хотя,

возможно, он(а) имеет право на досрочную пенсию). Это группа с самым большим разрывом между фактическим и ожидаемым уровнем семейной незанятости – в ней еще есть большой потенциал роста занятости, о чем, в частности, свидетельствует и существенное сокращение поляризации в 1994–2016 гг. Трудоспособные члены таких семейных пар стали чаще выходить на рынок труда – возможно, партнеры старше трудоспособного возраста стали чаще работать после достижения трудоспособного возраста, откладывая совместный выход на пенсию. Другое возможное объяснение состоит в постепенном изменении отношения работодателей к работникам предпенсионного и пенсионного возраста, что дает им возможность дольше оставаться в занятости.

Еще одна группа с достаточно высоким уровнем поляризации занятости – прочие домохозяйства без детей. В эту группу входят домохозяйства, где есть родители (или один родитель) и взрослые дети (16 лет и старше). Кроме того, это самая быстрорастущая группа – в 1994 г. подобные домохозяйства составляли около четверти от всех домохозяйств, к 2016 г. – уже более трети (36%). Среди таких домохозяйств наблюдалось увеличение фактического и ожидаемого уровня незанятости, но оба показателя росли равномерно. Поэтому уровень поляризации практически не изменился и остается высоким.

Последний из типов домохозяйств без детей – это семейные пары, в которых оба супруга находятся в трудоспособном возрасте. Этот тип домохозяйств среди рекорсменов по уровню фактической незанятости: на начало и конец периода всего в 3% таких домохозяйств не было занятых. Однако внутри периода незанятость охватывала до 9% домохозяйств этого типа, что может говорить об их высокой чувствительности к макроэкономическим шокам. Несмотря на то, что в начале и в конце периода показатели поляризации отрицательны, в 2002–2009 гг. они находились в положительной зоне. Таким образом, часть домохозяйств этого типа по каким-то причинам, требующим дополнительных исследований, не смогли воспользоваться преимуществами быстрого экономического роста.

Среди домохозяйств с детьми особое внимание обращают на себя семьи, состоящие из одного человека в трудоспособном возрасте с детьми. Это родители-одиночки, в основном матери, с детьми. Этот тип домохозяйств стоит особняком, поскольку среди его представителей наблюдается самый низкий уровень поляризации. Фактические показатели незанятости для этих домохозяйств заметно ниже ожидаемых. Одиноким родителям выходят на рынок труда чаще представителей других типов домохозяйств с аналогичными социально-демографическими характеристиками. Часть этой «дополнительной» занятости обусловлена дефицитом доходов.

Два других типа домохозяйств – семейные пары с детьми и прочие домохозяйства с детьми – характеризуются низкими уровнями незанятости и незначительным уровнем поляризации занятости. Все эти показатели мало изменились в течение периода.

Если внимательно посмотреть на последний столбец табл. 5, то можно увидеть, что уровень поляризации занятости в большинстве типов домохозяйств сокращался, в некоторых из них достаточно заметно. При этом общий уровень поляризации сократился всего на 0,1 п.п. Разрешение этого парадокса заключается в изменении структуры домохозяйств, которая двигалась в сторону тех типов домохозяйств, которые имеют высокий уровень поляризации. Доля домохозяйств с низким уровнем поляризации, наоборот, сокращалась.

8. Заключение

В этой главе мы показали, как незанятость на уровне отдельного человека трансформируется в незанятость на уровне домохозяйств. Как показывает международный опыт, между индивидуальными и семейными показателями нет прямой зависимости, потому что незанятые индивиды могут проживать в семьях, где есть другие занятые члены. Поэтому кроме экономической конъюнктуры и факторов рынка труда на семейные показатели важное влияние оказывают разнообразные демографические сдвиги – изменения в структуре домохозяйств с точки зрения изменения их размера и социально-демографического состава. Еще одним самостоятельным фактором, влияющим на уровень семейной незанятости, является неравенство в распределении занятых между домохозяйствами. Такое неравенство выше, если занятость одного взрослого члена семьи увеличивает вероятность того, что и другие взрослые в этой семье будут заняты, и наоборот, если незанятость одного члена снижает вероятность занятости для других.

Согласно нашим оценкам, российский рынок труда характеризуется низким уровнем семейной незанятости. Около 6% населения трудоспособного возраста живут в домохозяйствах, где нет других занятых. Это небольшой процент, значительная часть незанятых индивидов трудоспособного возраста проживают в домохозяйствах, где есть другие занятые. В домохозяйствах, где нет занятых, проживает лишь каждый пятый из незанятых индивидов трудоспособного возраста. В кризисные годы (1998, 2009 гг.) их доля возросла до четверти. При этом крайне невелика доля «незанятых» домохозяйств, члены которых заинтересованы в активном поиске работы и возвращении на рынок труда. Для большинства из них источником доходов служат пенсии членов семьи старше трудоспособного возраста, хотя за последние 10 лет резко

увеличилась доля домохозяйств, в которых не заняты лица трудоспособного возраста, но заняты лица старше трудоспособного возраста.

Российский уровень семейной незанятости является низким и на фоне других стран, что особенно отчетливо проявилось после кризиса 2008–2009 гг. В отличие от большинства развитых стран в России уровень семейной незанятости вырос слабо, а потом очень быстро вернулся на докризисный уровень. Наши «успехи» в преодолении семейной занятости являются оборотной стороной недостатков нашего рынка труда и слабости системы социальной защиты. Они объясняются прежде всего низким уровнем пособий по безработице, которые не позволяют индивидам оставаться без работы длительное время; а также широкой распространенностью неформальной и нерегулярной занятости и сохранением традиции проживания в сравнительно крупных, нередко многопоколенных, семьях.

Вместе с тем ряд факторов действовал в направлении усиления роста уровня семейной незанятости. Основным драйвером такого роста в 1994–2016 гг. были демографические изменения, выразившиеся в сокращении размеров домохозяйств, прежде всего в росте числа семей с одним взрослым трудоспособного возраста. Малые домохозяйства обычно имеют высокие риски исключения из занятости, поскольку потеря работы одним работающим членом семьи ведет к незанятости всего домохозяйства. Факторы рынка труда – сокращение общего уровня занятости, которое наблюдалось в данных РМЭЗ ВШЭ – также способствовали росту уровня семейной незанятости, особенно если речь идет о наличии постоянной работы. Впрочем, в отношении последнего фактора мы склонны говорить осторожно – в данных Росстата сокращения занятости не наблюдалось.

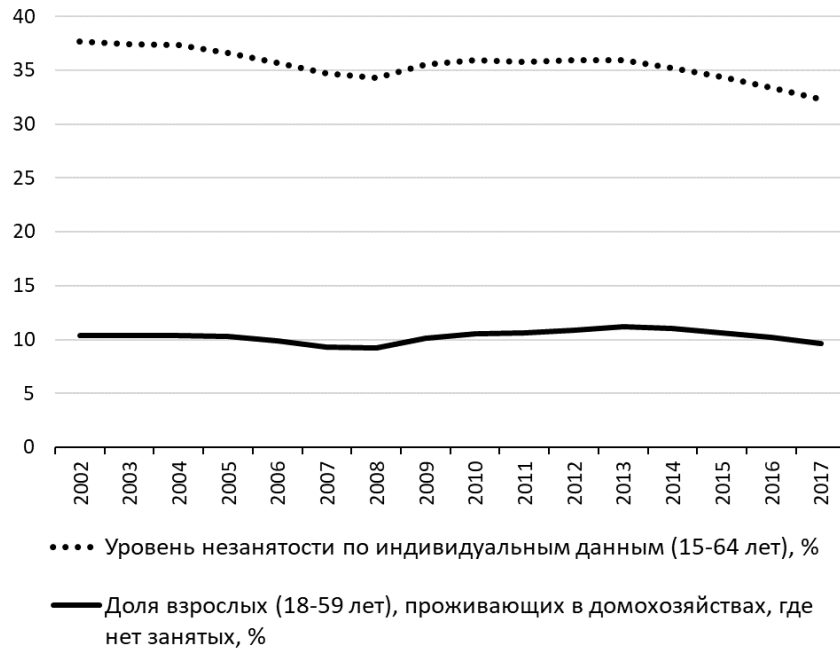
Низким остается и общий уровень неравенства в распределении занятости между домохозяйствами. Более того, за 1994–2016 гг. мы фиксируем его дальнейшее, хотя и небольшое сокращение. В качестве базы для сравнения рассматривается гипотетическая ситуация, когда занятые распределяются между домохозяйствами случайным образом, а вероятность занятости одинакова для всех индивидов трудоспособного возраста. Фактическая занятость оказывается распределена между домохозяйствами столь же равномерно, а отдельные годы даже более (!) равномерно, чем если бы распределение происходило случайным образом. Этот эффект достигается прежде всего за счет очень высокого и стабильного уровня вовлеченности в занятость домохозяйств, состоящих из двух человек трудоспособного возраста. При этом в домохозяйствах с одним взрослым трудоспособного возраста и в крупных домохозяйствах также не

наблюдается постоянной «избыточной» незанятости – она появляется только в кризисные годы.

Если мы идем дальше и учитываем различия в составе домохозяйств, то картина становится менее однородной. Так, отсутствие в домохозяйстве лиц с высшим образованием сопряжено с высокими рисками того, что семья будет исключена из занятости. При этом каждый член такого домохозяйства имеет более низкие шансы трудоустройства по сравнению с обладающими такими же характеристиками индивидами, но проживающими в домохозяйствах, где есть лица с высшим образованием. Мы выделяем и другие типы домохозяйств, которые сталкиваются с «избыточной» незанятостью. Это семейные пары без детей, в которых один из супругов старше трудоспособного возраста; семьи, состоящие из родителей, проживающих вместе со взрослыми детьми; и одинокие люди трудоспособного возраста без детей. Семейные пары, в которых оба супруга находятся в трудоспособном возрасте, и все виды семей с детьми до 16 лет, наоборот, оказываются вовлечены в занятость чаще, чем можно ожидать исходя из социально-демографических характеристик их членов. Подобная ситуация «избыточной» занятости не всегда является добровольной: для родителей-одиночек с детьми она скорее всего компенсирует недостаточность социальной поддержки со стороны государства.

Литература

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2015) «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 87–119.
- Autor D., Levy F., Murnane R. (2003) The skill content of recent technological change: An empirical exploration // Quarterly Journal of Economics. Vol. 118. P. 1279–1334.
- Callister P., Singley S. (2004) Polarisation of employment, 1986–2002: New Zealand in the international context. Ministry of Social Development. Working paper 06/04.
- Gregg P., Scutella R., Wadsworth J. (2010) Reconciling workless measures at the individual and household level. Theory and evidence from the United States, Britain, Germany, Spain and Australia // Journal of Population Economics. Vol. 23. 139–167.
- Gregg P., Wadsworth J. (1996) More work in fewer households? // New Inequalities / J. Hills (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Gregg P., Wadsworth J. (1998) It takes two: employment polarisation in the OECD. Discussion Paper No. 304. Centre for Economic Performance, London.
- Gregg P., Wadsworth J. (2008) Two sides to every story: measuring the polarization and inequality in the distribution of work? // Journal of the Royal Statistical Society. Vol. 171. P. 857–875.
- Lehmann H., Wadsworth J. (1997) New jobs, worklessness and households in Poland // European Economic Review. Vol. 41. P. 915–923.
- OECD (2001). OECD employment outlook – 2001. OECD, Paris: OECD Publishing.
- OECD (2014). Society at a Glance 2014: OECD Social Indicators. Paris: OECD Publishing.



Источник: Евростат. <http://ec.europa.eu/eurostat/web/lfs/data/database>

Рис. 1. Показатели незанятости на индивидуальном и семейном уровнях, в среднем по странам ЕС

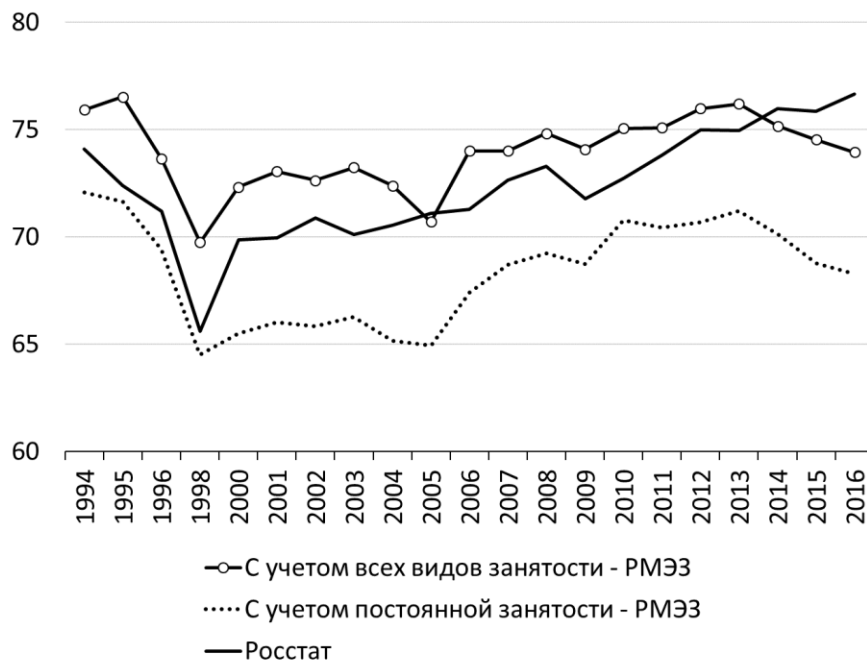


Рис. 2. Индивидуальный уровень занятости – лица трудоспособного возраста, %

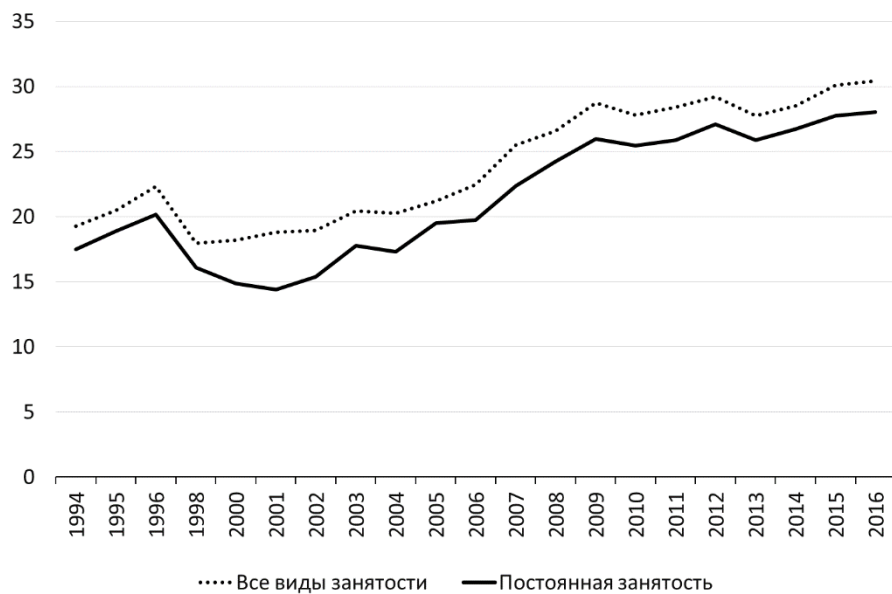


Рис. 3. Индивидуальный уровень занятости – лица старше трудоспособного возраста, проживающие в домохозяйствах, в которых хотя бы один человек находится в трудоспособном возрасте, %

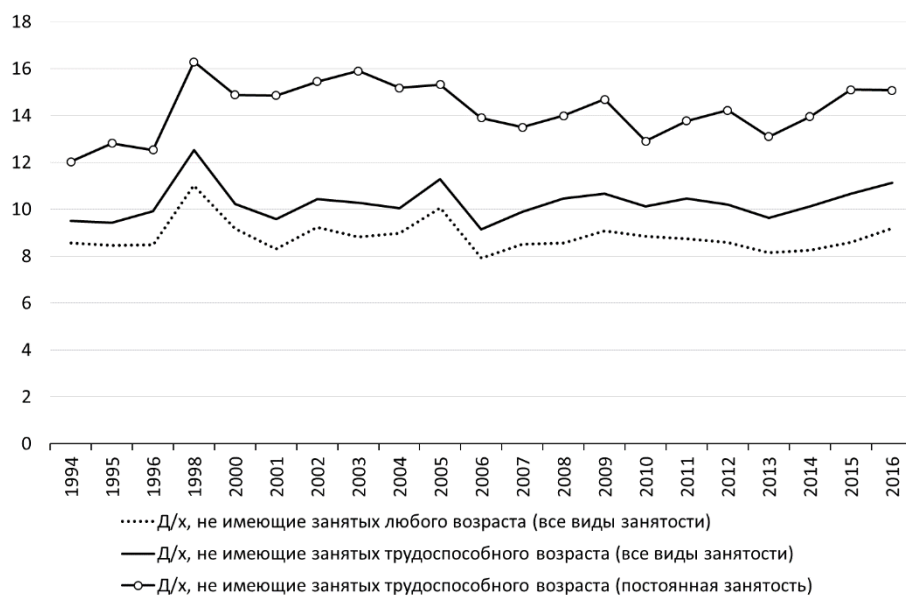


Рис. 4. Показатели незанятости на уровне домохозяйств, %

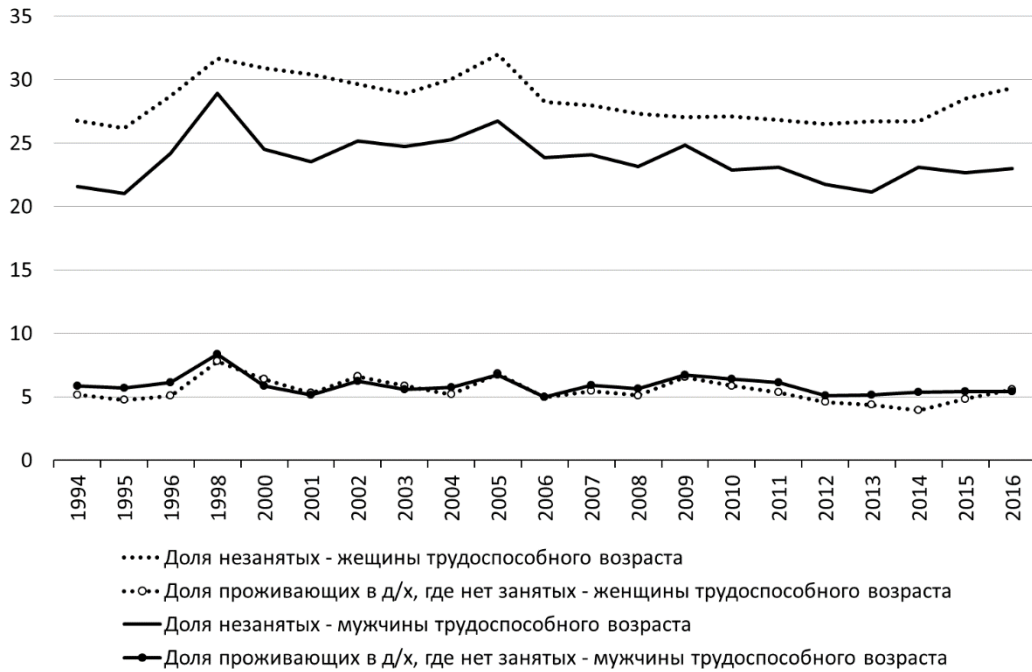
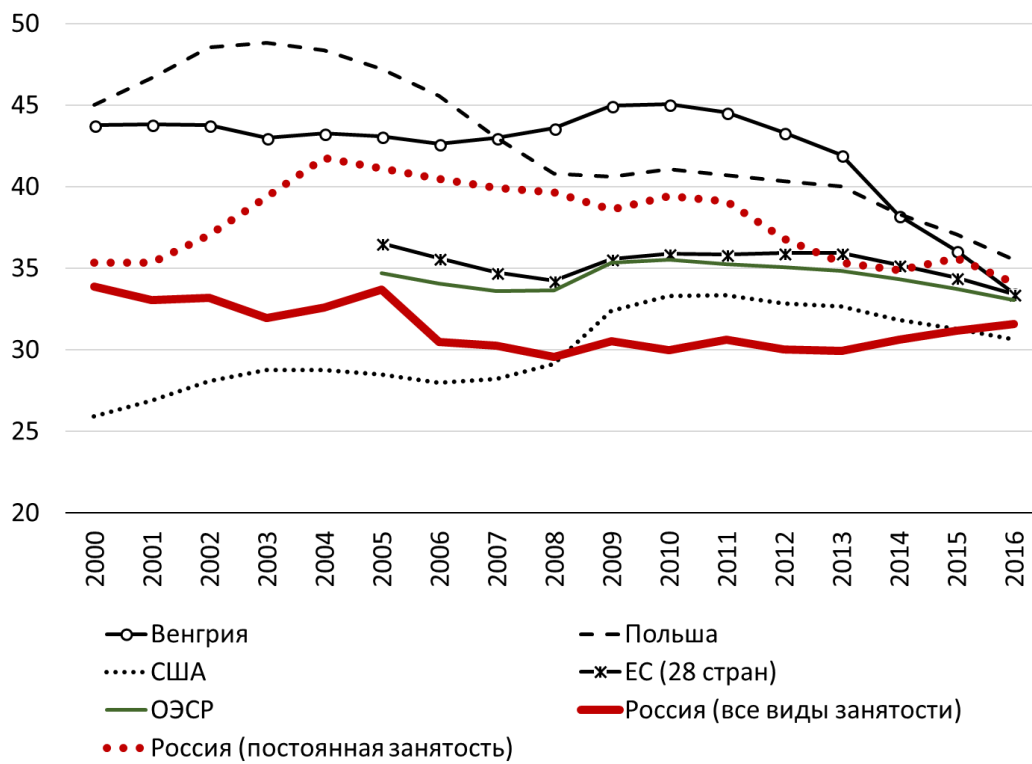
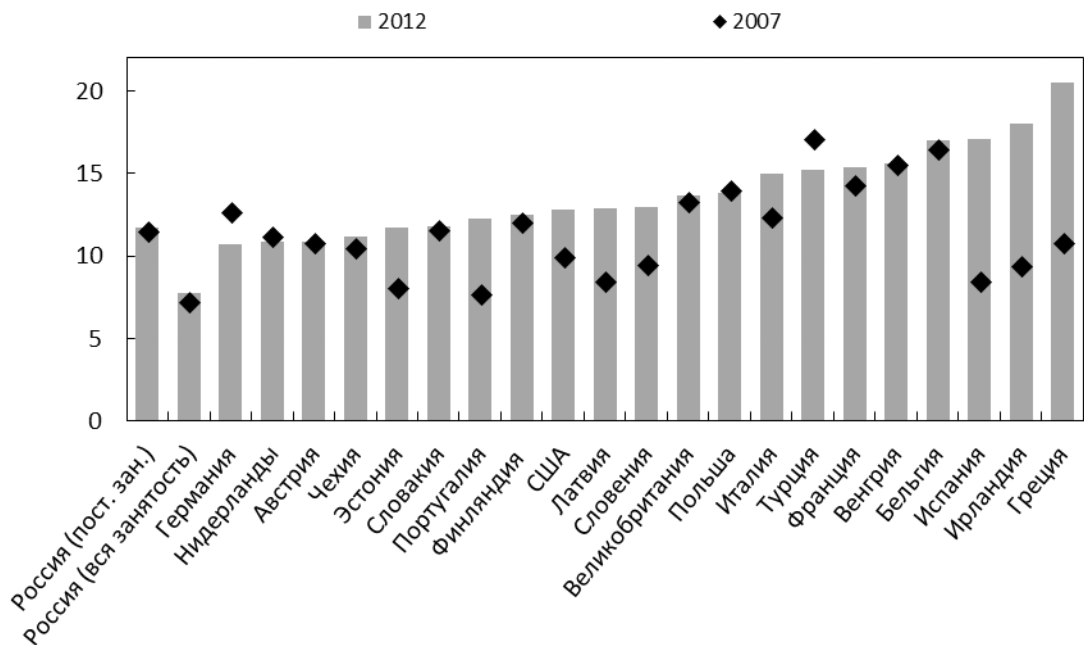


Рис. 5. Показатели незанятости для мужчин и женщин



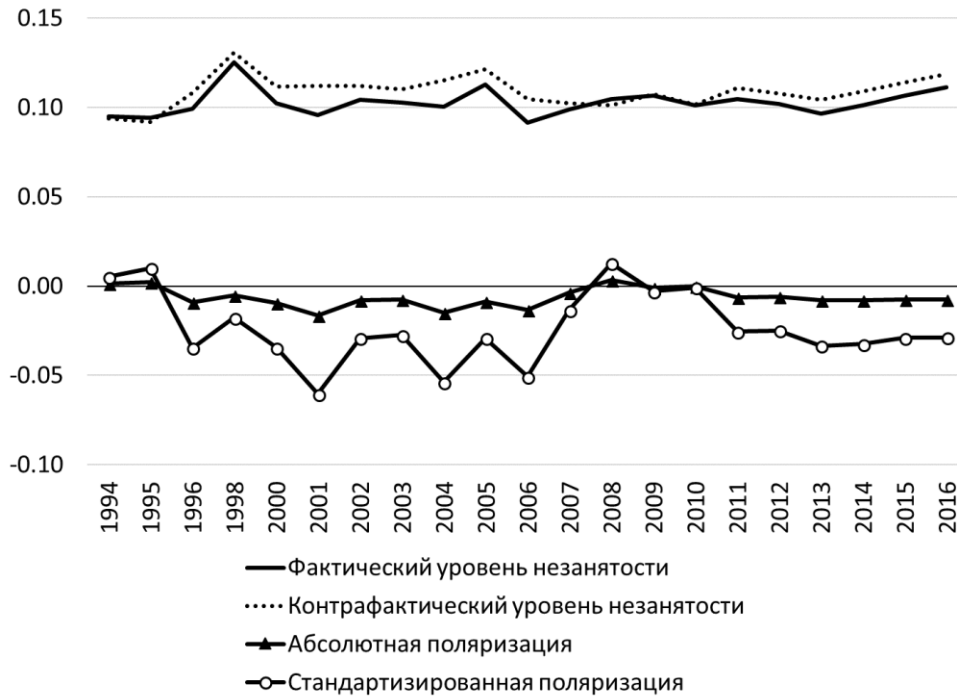
Источник: Россия – расчеты автора по РМЭЗ ВШЭ; остальные страны – OECD.Stat.

Рис. 6. Уровень незанятости, население в возрасте 15–64 лет, %

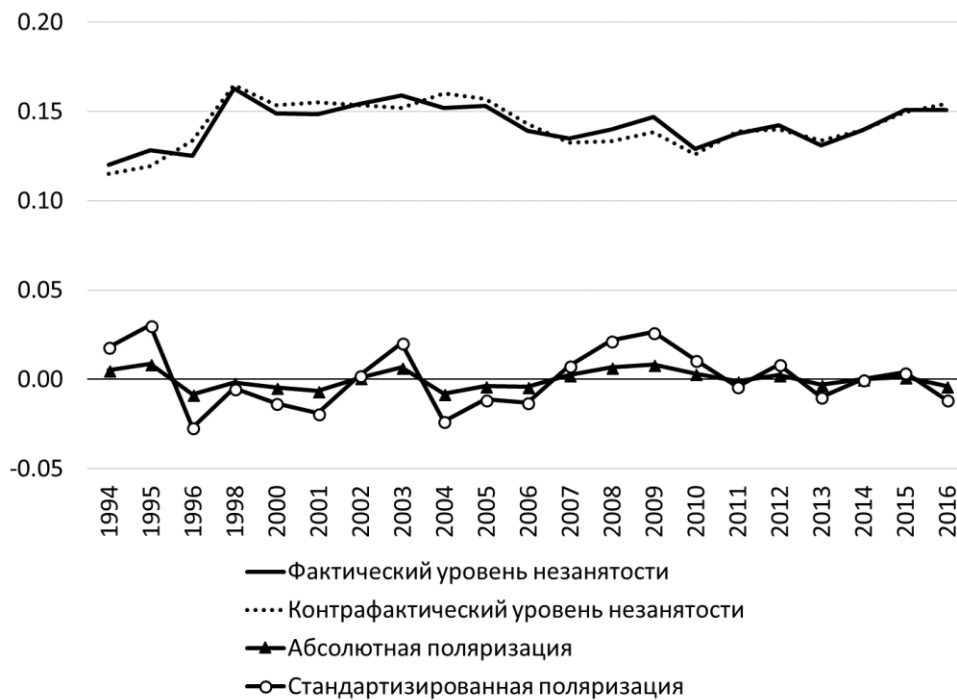


Источник: Россия – расчеты автора по РМЭЗ ВШЭ. Остальные страны – OECD (2014), р. 23

Рис. 7. Доля населения в возрасте 15–74 лет, проживающего в домохозяйствах, не имеющих занятых (любого возраста), %



а. Все виды занятости



б. Постоянная занятость

Рис. 8. Неравенство в распределении занятости между домохозяйствами, %

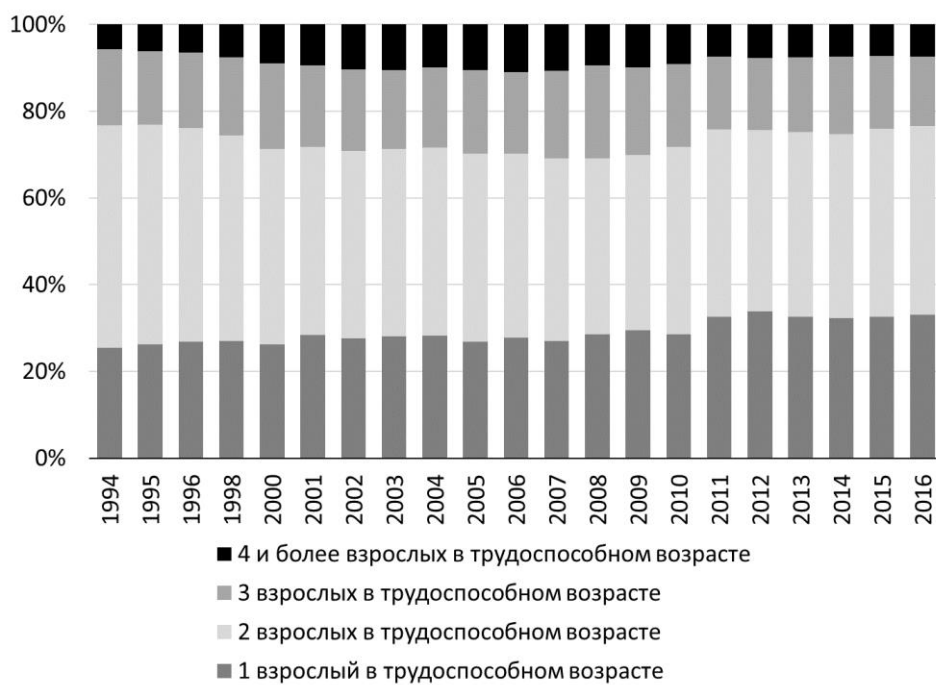
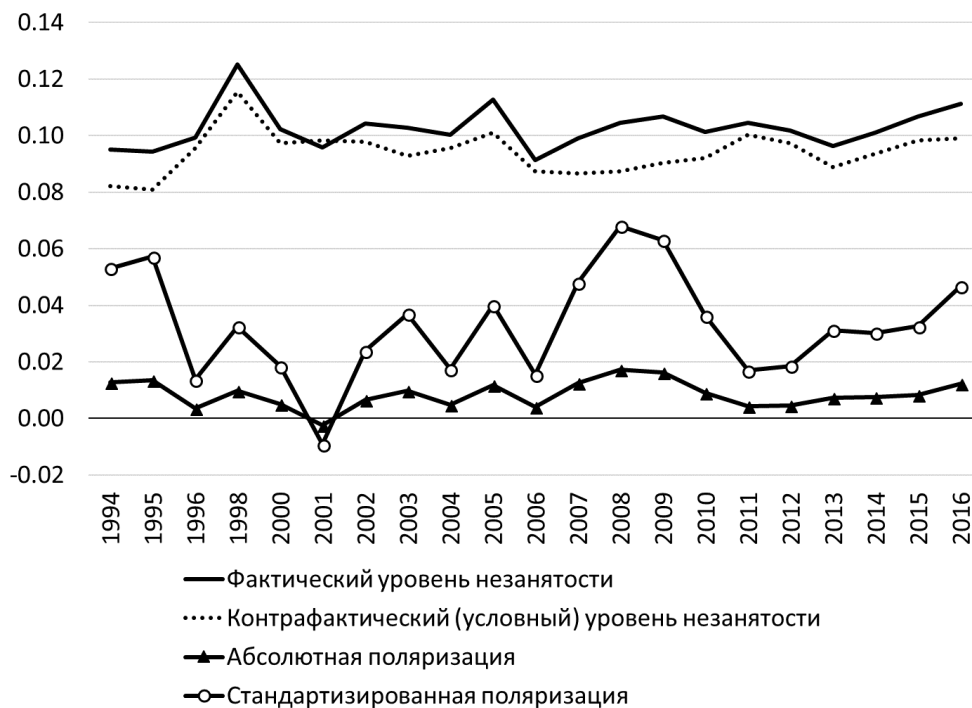


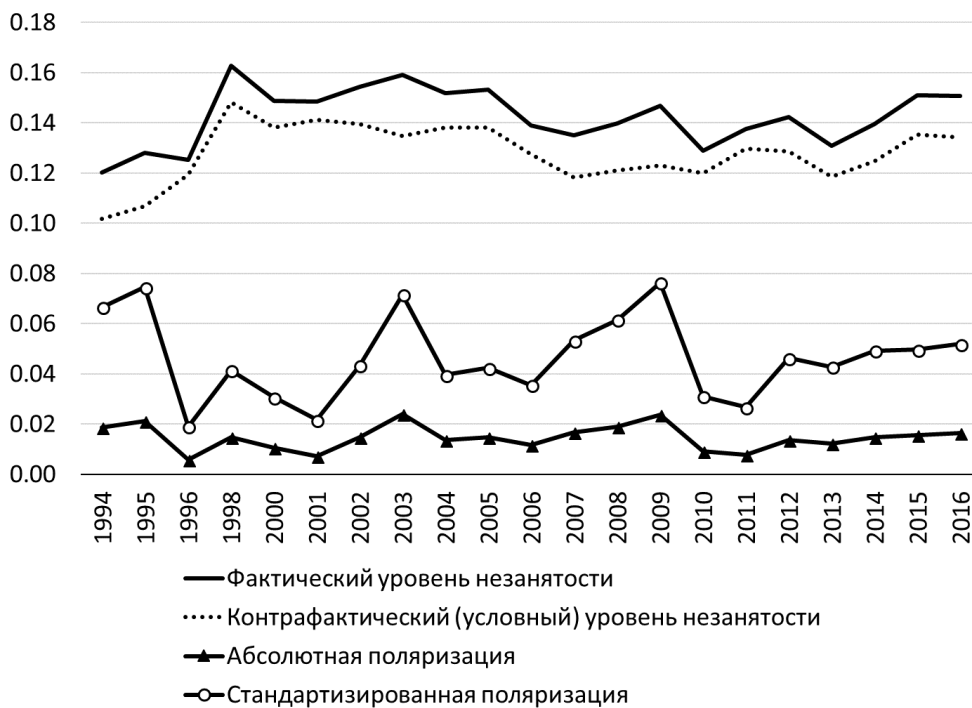
Рис. 9. Демографическая структура домохозяйств



Рис. 10. Показатели абсолютной поляризации для разных по составу домохозяйств



а. Все виды занятости



б. Постоянная занятость

Рис. 11. Неравенство в распределении занятости между домохозяйствами – условный сценарий, %

Таблица 1. Различия между домохозяйствами, имеющими и не имеющими занятых трудоспособного возраста

	Средний размер домохозяйства, человек	Доля домохозяйств с одним взрослым трудоспособного возраста, %	Есть дети младше 16 лет, %	Есть лица старше трудоспособного возраста, %	Есть занятые старше трудоспособного возраста, %	Есть безработные, %
Домохозяйства, не имеющие занятых трудоспособного возраста						
1995	2,5	77	26	58	10	Н. д.
2000	2,6	70	31	49	10	32
2005	2,7	68	30	51	10	23
2010	2,6	75	24	51	12	25
2015	2,4	82	17	60	20	17
Домохозяйства, имеющие занятых трудоспособного возраста						
1995	3,4	21	59	24	6	Н. д.
2000	3,4	21	56	25	5	10
2005	3,3	22	47	28	7	8
2010	3,3	23	47	28	10	7
2015	3,2	27	46	32	10	6

Таблица 2. Риски попадания домохозяйства в число не имеющих занятых трудоспособного возраста (средние предельные эффекты)

	<i>dy/dx</i>	<i>p</i> -значение
Тип домохозяйства (одиноким человек трудоспособного возраста без детей до 16 лет)		
Семейная пара без детей – оба супруга в трудоспособном возрасте	-0,075	0,000
Семейная пара без детей – один из супругов старше трудоспособного возраста	-0,002	0,843
Прочие домохозяйства без детей	-0,020	0,037
Один человек в трудоспособном возрасте с ребенком/детьми	-0,110	0,000
Семейная пара с ребенком/детьми	-0,129	0,000
Прочие домохозяйства с ребенком/детьми	-0,091	0,000
Состав домохозяйства		
Количество детей до 16 лет	0,018	0,000
Количество лиц трудоспособного возраста	-0,087	0,000
Количество лиц старше трудоспособного возраста	0,025	0,000
Тип поселения (областной центр)		
город	-0,013	0,001
пгт	0,020	0,013
село	0,040	0,000
Федеральный округ (Центральный)		
Северо-Западный	-0,008	0,110
Южный	0,028	0,000
Приволжский	0,005	0,287
Уральский	-0,001	0,851
Сибирский	0,026	0,000
Дальневосточный	0,011	0,159
Год (1994)		
1995	-0,004	0,633
1996	0,002	0,794
1998	0,032	0,000
2000	0,009	0,259
2001	-0,004	0,609
2002	0,008	0,339
2003	0,003	0,699
2004	-0,002	0,762
2005	0,014	0,098
2006	-0,011	0,138
2007	-0,001	0,892
2008	-0,001	0,944
2009	0,003	0,751
2010	0,000	0,968
2011	-0,006	0,356
2012	-0,015	0,018
2013	-0,018	0,005
2014	-0,018	0,010
2015	-0,012	0,095
2016	-0,008	0,263

Таблица 3. Показатели семейной незанятости в зависимости от количества трудоспособных членов

	Все домохозяйства	в зависимости от числа взрослых трудоспособного возраста:			
		1	2	3	4 и более
1994	9,5	27,5	3,9	2,5	0,5
1995	9,4	27,5	3,6	2,0	0,5
1996	9,9	26,2	4,6	3,0	1,6
1998	12,5	30,3	6,8	4,0	5,0
2000	10,2	27,1	5,9	1,7	1,2
2001	9,6	25,5	4,5	1,4	1,4
2002	10,4	26,3	5,5	2,5	3,1
2003	10,3	27,4	4,6	2,4	1,5
2004	10,0	26,8	5,1	0,9	1,0
2005	11,3	28,7	6,9	1,9	2,3
2006	9,1	23,6	5,4	1,1	0,6
2007	9,9	25,5	5,5	1,5	3,7
2008	10,5	28,0	4,7	1,3	3,0
2009	10,7	24,7	5,7	2,8	5,2
2010	10,1	26,6	4,1	1,9	4,1
2011	10,5	24,0	4,6	1,7	4,5
2012	10,2	25,3	3,2	1,3	1,0
2013	9,6	24,5	3,1	1,8	0,3
2014	10,1	26,3	3,2	1,5	0,4
2015	10,7	27,0	3,2	3,1	0,0
2016	11,1	28,2	3,3	1,9	0,8

Таблица 4. Декомпозиция изменений в семейном уровне незанятости – все виды занятости, п.п.

Период	Фактическое изменение	Изменение в контр-фактическом показателе	В том числе за счет:		Изменение в уровне поляризации	В том числе:					
			изменений в индивид. уровне незанятости	демографических сдвигов		Между группами д/х	Внутри групп домохозяйств				
							Всего	По числу взрослых трудоспособного возраста			
								1	2	3	4+
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	
А. Все виды занятости											
1994-2016	1,6	2,5	1,1	1,4	-0,9	0,4	-1,3	-0,4	-0,8	-0,2	0,0
1994-1998	3,0	3,7	3,5	0,1	-0,7	0,2	-0,8	-0,9	-0,2	0,0	0,3
1998-2007	-2,6	-2,8	-2,4	-0,4	0,2	0,2	0,0	-0,2	0,5	-0,3	-0,1
2007-2012	0,3	0,5	-1,1	1,6	-0,2	0,0	-0,2	0,5	-0,6	0,0	-0,2
2012-2016	0,9	1,1	1,2	-0,1	-0,2	-0,1	-0,1	0,3	-0,4	0,0	0,0
Б. Постоянная занятость											
1994-2016	3,0	3,9	2,4	1,5	-0,9	0,5	-1,3	-0,8	-1,2	0,4	0,3
1994-1998	4,3	4,9	4,8	0,1	-0,7	0,2	-0,9	-1,2	-0,2	0,1	0,4
1998-2007	-2,8	-3,2	-2,7	-0,5	0,4	0,3	0,1	0,1	0,4	-0,4	0,0
2007-2012	0,7	0,7	-1,2	1,9	0,0	-0,1	0,1	0,5	-0,5	0,2	-0,2
2012-2016	0,9	1,5	1,6	-0,1	-0,6	-0,1	-0,5	-0,1	-0,8	0,4	0,0

Примечание. В расчетах использовалась формула (4). Графа (1) = (2) + (5). Графа (2) = (3) + (4). Графа (5) = (6) + (7). Графа (7) = (8) + (9) + (10) + (11).

Таблица 5. Изменение уровня семейной незанятости и поляризации по типам домохозяйств

Состав домохозяйства	1994		Поляризация	2016		Поляризация	Изменение		Поляризация
	Доля д/х, не имеющих занятых			Доля д/х, не имеющих занятых			Доля д/х, не имеющих занятых		
	Фактич.	Ожидаемая		Фактич.	Ожидаемая		Фактич.	Ожидаемая	
Все домохозяйства	0,095	0,082	0,013	0,111	0,099	0,012	0,016	0,017	-0,001
Домохозяйства без детей до 16 лет									
Один человек в трудоспособном возрасте без детей (5,7 8,5)*	0,275	0,221	0,054	0,273	0,247	0,026	-0,002	0,026	-0,028
Семейная пара без детей – оба супруга в трудоспособном возрасте (9,1 8,2)	0,031	0,058	-0,027	0,028	0,054	-0,025	-0,003	-0,004	0,001
Семейная пара без детей – один из супругов старше трудоспособного возраста (4,1 4,1)	0,333	0,220	0,112	0,259	0,203	0,056	-0,074	-0,018	-0,056
Прочие домохозяйства без детей (25,1 35,7)	0,135	0,096	0,039	0,145	0,110	0,035	0,010	0,014	-0,004
Домохозяйства с детьми до 16 лет									
Один человек в трудоспособном возрасте с детьми (3,9 3,0)	0,147	0,180	-0,033	0,153	0,184	-0,031	0,006	0,004	0,002
Семейная пара с детьми (28,0 19,2)	0,030	0,039	-0,009	0,031	0,037	-0,006	0,001	-0,002	0,003
Прочие домохозяйства с детьми (24,1 21,3)	0,060	0,055	0,006	0,059	0,062	-0,003	-0,001	0,007	-0,009

Примечание. * В скобках указана доля домохозяйств данного типа в общем количестве домохозяйств в 1994 и 2016 гг. (1994 г.|2016 г.).

Lukyanova, Anna.

Family (non-)employment patterns: demographic or labour market trends? [Electronic resource] : Working paper WP3/2018/08 / A. Lukyanova ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 44 p. (In Russian)

The paper studies the evolution of individual- and household-based non-employment rates in Russia using data from the RLMS HSE for 1994–2016. Following [Gregg and Wadsworth, 2008], I estimate disparities between individual- and household-level measures and compare actual household workless rates with counterfactuals based on a random distribution of work. I find that the Russian labor market is characterized by a low, albeit growing, rate of household joblessness: about 6% of the working age population live in households where no other adults work.

Inequality in the distribution of work is also low and declining. Generally, work is distributed equally among households and in some years more (!) equally than if it were distributed randomly. Equality is achieved primarily due to a very high employment rates among two-adult households. Conditioning on characteristics, we distinguish several types of households that face “excessive” non-employment, i.e. for these types of households actual non-employment rate is higher than the counterfactual prediction based on their socio-demographic characteristics. These are households without university graduates, couples without children in which one of the spouses is above official retirement age, working age couples living with adult children, and working age single adults without children.

The paper assesses various underlying driving factors for the dynamics of household non-employment. The decomposition results reveal that there are a number of factors at play. Demographic shifts – reduction of average household size and expanding share of single-adult households – were identified as the main driver of growing household joblessness. Labour market factors – changes in individual employment rates, especially deterioration of permanent jobs – also exerted a sizable effect. These trends were partly offset by improvements in the distribution of work among households.

Keywords: inequality, polarization, joblessness, distribution of work, family labor supply, decomposition

Препринт WP3/2018/08
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Лукьянова Анна Львовна

**Семейные паттерны (не)занятости: взаимодействие
факторов демографии и рынка труда**

Изд. № 2085